

О. П. ЕРМАКОВА, Е. А. ЗЕМСКАЯ

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА

Идея внутренней формы языка выдвинута и разработана В. Гумбольдтом. «Слово — не эквивалент чувственно-воспринимаемого предмета, а эквивалент того, как он был осмыслен речетворческим актом в конкретный момент изобретения слова», — писал В. Гумбольдт. — Именно здесь — главный источник многообразия выражений для одного и того же предмета; так, в санскрите, где слона называют то дважды пьющим, то двухзубым, то одноруким, каждый раз подразумевая один и тот же предмет, тремя словами обозначены три разные понятия (разрядка наша.—*O. E., E. Z.*)» [1, с. 103].

Понятие внутренней формы (ВФ) слова разрабатывалось в классических работах по языкоznанию начала века (см. например, [2]). В русском языкоznании идея Гумбольдта, интерпретированная как ВФ, связана прежде всего с именем А. А. Потебни. А. А. Потебня так определяет ВФ: «Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль. Этим только можно объяснить, почему в одном и том же языке может быть много слов для обозначения одного и того же предмета и, наоборот, одно слово совершенно согласно с требованиями языка может обозначать предметы разнородные» [3].

Мы обратились к изучению ВФ слова потому, что в работах языковедов прошлого это понятие обычно выступало как изолированное, вне соотнесения с системой понятий, применяемых при изучении словообразования. Нам представляется, что при современном активном развитии словообразования обращение к этому старому понятию и его введение в теорию словообразования может быть полезным.

При изучении семантики словообразования применяются понятия мотивированности и словообразовательного значения. Представляется важным использовать при анализе словообразовательной семантики также понятие ВФ слова.

Понятия ВФ и мотивированность близкие, но не совпадающие. Мотивированность содержит указание на принадлежность базового слова или словосочетания к той или иной части речи и семантической группе. Оно работает на собственно словообразовательную характеристику слова. Понятие ВФ вскрывает характер (природу) наименования, которым является слово; оно работает на ономасиологический аспект слова.

Зачем же применять тогда понятие ВФ при изучении словообразования? Ответ такой. Наличие ВФ — типическая и важнейшая черта производного слова как сложного знака действительности. Именно производные слова в первую очередь наделены ВФ. Среди слов непроизводных ВФ имеют преимущественно слова с переносными значениями (типа *медведь*, *орел*, *шляпа* по отношению к человеку).

У разных классов производных слов характер ВФ различен.

У синтаксических дериватов, т. е. производных слов, имеющих лексическое значение, тождественное значению базовых слов и отличающихся лишь принадлежностью к иной части речи (и, следовательно, синтаксической функцией) [4], ВФ смыкается с мотивированностью (*лесной, бег, чтение, белизна*). Синтаксические дериваты, образованные от производных слов, сохраняют их ВФ (*осатанеть — осатанение*). Модификационные словообразовательные типы, включающие производные, относящиеся к той же части речи, что и базовое слово, и обозначающие лишь разного рода видоизменения (модификацию) его значения, имеют ВФ, которая заключается в отсылке к базовому слову (*тигренок, медведица, беленький и т. п.*) [5].

У модификационных производных не первой ступени деривации ВФ та же, что у однокоренных слов первой ступени; например слова *тигреночек, водичка* и т. п. имеют ту же ВФ, что и слова *тигренок, водица*. Следовательно, в словообразовательной цепи, включающей синтаксические дериваты и модификаты, ВФ не меняется.

У слов, входящих в одну словообразовательную цепь, ВФ может и меняться (*рука — рукав — безрукавка — безрукавный*) и сохраняться (*дерево — деревенеть — одеревенеть — одеревенение*).

У таких классов производных слов, как синтаксические дериваты и модификаты, ВФ едина для слов одного словообразовательного типа, т. е. ВФ имеет общий характер. Эта закономерность относится ко всем языкам, в которых есть синтаксическая деривация и модификационные словообразовательные типы, т. е. ко всем славянским и многим европейским языкам (немецкий, английский, французский, испанский, итальянский). Названным классам слов противопоставлены такие, у которых ВФ имеет индивидуальный характер. Так, существительные, образованные по модели *на + основа существительного + -ник*, имеют различную ВФ, хотя и не все индивидуальную. Ср.: 1) *намордник, нарукавник*; 2) *надомник*; 3) *нахлебник*; 4) *накомарник*.

Существует класс производных слов, у которых нет ВФ; это слова с так называемыми стилистическими аффиксами: *стенка, свечка, табуретка...* — разг.; то же, что *стена, свеча, табурет, кобылица, вдовица* — книжн.; то же, что *кобыла, вдова; позабыть* — разг.; то же, что *забыть* и др. под.

Встает вопрос: как соотносится ВФ с понятием мотивации, а также с лексическим (ЛЗ) и словообразовательным (СЗ) значениями слова?

Устанавливая тип мотивации, мы определяем принадлежность базы к словам определенной части речи и ее семантику (например, существительные с вещественным значением), но не определяем характер смысло-вого отношения производного слова к базе. Именно это, по нашему мнению, составляет содержание ВФ, само же название реалий в него не входит. Так, разные лексические значения слова *песчанка* мотивированы семантикой слова *песок*. Реалии, называемые словом *песчанка*, различны: 1) рыба, 2) грызун, 3) птица, 4) растение. У данных слов, при различии лексических значений, одна ВФ. Эта ВФ реализует отношение к песку как месту обитания¹. Ср. другие производные от вещественных существительных, которые выражают иной характер отношения денотата к веществу: вещество как предмет сравнения (*медянка, серебрянка* и под.), вещество как составная часть, как предмет, из которого изготовлено что-то (*свекольник,творожник, медовик* — ‘прянник’, *пуховик*) и др.

Итак, повторим, что ВФ не включает название реалий: ВФ слова *песчанка* — это не ‘рыба, живущая в водоемах с песчаным грунтом’, или ‘грызун, обитающий в песке’, но ‘обитающее там, где песок’.

¹ Отметим, что есть и еще одна *песчанка* — ‘промышленная глина с значительной примесью песка’. У этого слова иная ВФ. Песок выступает как материал по отношению к другой субстанции.

ВФ — живое свойство слова². Каждый нормальный носитель языка ощущает ВФ слова, причем нередко это ощущение имеет более или менее индивидуальный характер. Есть люди, склонные ощущать ВФ слабее или сильнее средней нормы. Так, многие носители языка четко осознают ВФ слова *пароход* ('ходит паром'), другие же считают, что ВФ этого слова стерлась, умерла, так как в современном языке этим существительным называют разные суда: и теплоход, и дизельэлектроход и т.д. Аналогично: *паровоз*, *самовар* и др. под. Интересный пример — слово *ветрянка* (название детской болезни). Одни ощущают в нем ясную связь со словом *ветер* — 'очень заразная болезнь, передающаяся даже по ветру'; другие не чувствуют у этого слова никакой ВФ.

Подобная ситуация встречается нередко; ибо восприятие ВФ зависит не только от личных свойств человека, но и от знакомства с тем, что называет слово.

Как определить ВФ слова? Какое содержание вложить в это словосочетание, желая ввести его как строгий термин в современную теорию словообразования? ВФ дает представление о том, почему именно так названо нечто. Иными словами: ВФ — это «способ мотивировки значения в данном слове» [6, с. 43].

В языкознание это понятие вводится для того, чтобы объяснить ономасиологическую структуру наименования, вскрыть связь между морфемным строением производного слова и его семантикой. Понятие ВФ должно иметь объясняющую силу. Именно поэтому мы считаем нецелесообразным включать в понятие ВФ указание на денотат (как, например, в работах О. И. Блиновой, которая полагает, что ВФ слова *голубика* — 'голубая ягода' [7, с. 184—185]). На наш взгляд, такое решение нерационально, поскольку при подобном подходе понятие ВФ теряет свою объясняющую силу, а ВФ предстает как редуцированное лексическое значение.

Еще один пример. ВФ существительного *змеевик* — 'похожий по форме на змею', а компоненты 'труба', 'шланг' — относятся к лексическому значению слова.

С нашей точки зрения, ВФ слова не может базироваться на аффиксальном или аффиксально-подобном компоненте семантики слова, когда корневая часть не осмыслимая. Например, названия лекарств на -ол типа *салол*, *фталазол*, *димедрол* ВФ не имеют.

Для уяснения нашей точки зрения дадим примеры толкования: 1) словообразовательного значения, 2) ВФ, 3) ЛЗ слова: *подснежник* 1) 'то, что находится под тем, внизу того, что названо базовой основой'; 2) 'вырастающий из-под снега'; 3) 'цветок, зацветающий ранней весной, сразу после таяния снега'.

Подчеркнем, что мы считаем принципиально важным включать в толкование ЛЗ производного слова указание на его ВФ. Таким образом, слова типа *черника*, *подберезовик* должны содержать в толковании не только характеристику типа 'съедобная ягода' или 'съедобный гриб с красновато-коричневой шляпкой', но и элементы, показывающие, по какому признаку они названы: 'ягоды черного цвета', 'гриб, обычно растущий под береской'.

Зачем указывать ВФ слова в словарях? Что это даст, если ВФ слова знает каждый носитель языка? ВФ отражает дух языка, наивное, донаучное сознание народа, она глубоко национальна. Вместе с тем, как мы отмечали выше, она может быть различной у разных индивидов. Именно поэтому введение ВФ в словарную статью представляет интерес и для носителей данного языка как родного, и для иностранцев. Последним она помогает усвоить слово, понять механизм его образования, проникнуть в специфику данного языка. В структуре словарной статьи ВФ слова

² Если слово подвергается опрощению, обычно умирает и его ВФ.

должна быть отведена особая зона. Приведем несколько толкований из «Словаря русского языка» С. И. Ожегова (изд. 9. М., 1972), дополнив их возможным указанием на ВФ: *Голубика* — ‘кустарничек со съедобными ягодами, похожими на чернику, а также сами ягоды’; ВФ — ‘голубого цвета’; *гончая* — ‘охотничья собака особой породы’; ВФ — ‘предназначенный для гона’; *тельняшка* — матросская нижняя трикотажная рубашка в сине-белую полоску; ВФ — ‘надевается на голое тело’; *небоскреб* — ‘очень высокий многоэтажный дом’; ВФ — ‘как бы скребет небо’; *голик* (разг.) — ‘венник без листьев’; ВФ — ‘как бы голый’; *громоотвод* — ‘прибор, называемый теперь молниеприемником’; ВФ — ‘как бы отводит тром’; *водянка* — ‘болезнь, при которой в полостях и тканях тела скапливается жидкость’; ВФ — ‘как бы наливается водой’. Подчеркнем, что в толкованиях ВФ во многих случаях входит семантический компонент ‘как бы’, ‘как будто’, так как ВФ нередко отражает наивное, бытовое представление о предмете. В этом смысле особенно показательны слова *громоотвод* (отводит молнию), *водянка* (человек наливается не водой, а какой-либо жидкостью).

Возникает вопрос: не есть ли ВФ сокращенное ЛЗ слова? В известной мере это так. Однако, как можно видеть из приведенных выше примеров, совпадения между ЛЗ и ВФ часто нет. Разберем еще несколько примеров, давая толкования по словарю Ожегова, чтобы показать характер различий между ВФ и ЛЗ: *водохранилище* — ‘искусственный водоем для хранения и регулирования запасов воды’; ВФ — ‘то, что хранит воду’. Компоненты ‘искусственный’, ‘для регулирования’ в ВФ не входят; *водонос* — ‘ тот, кто носит воду’; ВФ и ЛЗ совпадают; *бесстыдник* — ‘бесстыдный человек’; ВФ и ЛЗ совпадают; *водобоязнь* — ‘то же, что бешенство’ (бешенство — ‘заразная болезнь, поражающая нервную систему, водобоязнь’); ВФ — ‘связана с боязнью воды’. К сожалению, указания ВФ содержат далеко не все толковые словари. Итак, С3 — это общее указание на соотношение семантики базового и производного слова; ВФ — раскрывает характер этой связи; ЛЗ включает все существенные признаки обозначаемого (иное понимание ВФ содержится в [5, с. 124]).

У разных классов производных слов наблюдаются разные соотношения между ВФ и ЛЗ, С3.

Слово может иметь одну мотивацию и формальную структуру, но его разные лексические значения могут быть наделены различной ВФ. Так, сущ. *дождевик* мотивировано существительным *дождь*; его словообразовательное значение: ‘предмет, имеющий отношение к дождю’. Это слово имеет разные ЛЗ: а) ‘легкое пальто, служащее для защиты от дождя’; б) ‘гриб белого цвета, вырастающий после дождя’.

С разными ЛЗ связана разная ВФ. ВФ показывает, какой именно вид отношений заложен в слове: а) ‘служащий для защиты от дождя’; б) ‘появляющийся после дождя’.

С другой стороны, одинаковая ВФ может быть свойственна словам, имеющим разную словообразовательную структуру и даже произведенными разными способами словообразования. Таковы, например, слова *рыбак* (базовое слово *рыб-а*) и *рыболов* (базовое словосочетание — *ловить рыбу*). Ср. также русское *пароход* — чеш. *parník*.

Различие между ВФ и ЛЗ ясно видно при сопоставительном изучении словообразования, ср.польск. *migawka* и русск. *мигалка*. Эти слова имеют одинаковую мотивацию глаголом *migać* и *мигать* — ‘то, что мигает’; различные ЛЗ: *migawka* — ‘фотоаппарат’, *мигалка* — ‘фонарь для подачи сигналов’ (например, у маяка, светофора); аналогичную ВФ: ‘предмет, который как бы мигает’.

Таким образом, ВФ выражает то понимание предмета, которое изображено для его наименования, придано ему духовным сознанием народа.

Индивидуальной, образной ВФ наделены слова, для которых характерна фразеологичность семантики, т. е. слова, лексические значе-

ния которых не представляют собой простую сумму значений их частей. Свойство производного слова выражать в своем лексическом значении нечто большее, чем то, что содержится в совокупности значения его составных частей, раньше других в отечественном языкоznании отметил А. М. Пешковский. Рассматривая состав и значение слов *белок* и *желток*, он писал: «Первая принадлежность этих слов обозначает определенный цвет, вторая означает „предмет, обладающий этим цветом“... Но где же та принадлежность, которая обозначает „желтое (или белое) вещество яйца“?» [8, с. 81]. Следует вывод: «В некоторых случаях в общем значении слова есть такие элементы, которых нет ни в одной из его принадлежностей» [8, с. 82]. В работах М. В. Панова эта особенность значения слова рассматривается как основной признак слова; он получил название «фразеологичность семантики» [9]. Компоненты смысла, не получающие в слове-формального выражения, называют фразеологическими наращениями (или смысловыми приращениями) [10].

Как соотносятся понятия ВФ и фразеологическое наращение? Фразеологическое наращение целиком принадлежит к сфере лексической семантики. Возьмем неоднократно разбиравшееся с этой точки зрения слово *учитель* — ‘человек, профессия которого учить в средней школе’ (выделены фразеологические наращения). ВФ слова *учитель* не включают семантических элементов «профессия» и «в средней школе», они — принадлежность ЛЗ слова. ВФ этого слова равна его СЗ. В таких случаях она не включает в себя фразеологическое наращение. Но это бывает не всегда. В случаях, когда отсубстантивные названия лиц имеют регулярные приращения глаголов (процессуального) характера (*рыбак* — ‘ тот, кто ловит рыбу’), ВФ включает и фразеологическое наращение. Итак, ВФ у одних слов приближается к словообразовательному значению, вплоть до совпадения с ним, у других — далека от него³.

Продемонстрируем на конкретном материале, как может использоватьсь понятие ВФ при сопоставительном изучении словообразования.

I. Выявление определенных типов ВФ как в одном языке, так и в разных (в сопоставлении) предполагает изучение принципов мотивации названий в более или менее узких лексических группах.

Изучение мотивированных названий разных категорий предметов показывает, что принципы мотивации названий реалий естьственные, природных и реалий, созданных человеком, различны. Ср. ВФ названий одежды, обуви, орудий, с одной стороны, и названий птиц, животных — с другой⁴. Например, названия орудий во всех языках могут быть мотивированы названием действия (тип — *отвертка*), или (гораздо реже во всех языках) названием предмета как объекта действия (тип — *пробочник*), или (в сложных словах) и тем и другим (*соковыжималка*). Для этой группы лексики не характерно называние на основе качественного признака (любого).

Сопоставление соотносительных наименований выявит типичность той или иной ВФ для определенной лексической группы в разных языках, возможность использования одной и той же ВФ для названий разных однофункциональных предметов.

Названия одежды или обуви могут иметь два вида принципов наименования: по признаку и по предназначению. Признак оказывается обычно ограничен материалом, из которого изготовлен предмет⁵, предназначение

³ Ср. разграничение двух типов дериватов — семантических и ассоциативных в [11]; ср. также [12, с. 307—308].

⁴ В работах, посвященных анализу принципов мотивации названий разных предметных групп — птиц, рыб, растений и т. д. в литературном языке и диалектах, в сущности рассматривается так или иначе ВФ этих названий, но прежде всего с точки зрения этимологии. Укажем лишь некоторые работы такого типа: [13—15]. См. также библиографию в [13] и [15].

⁵ Сходство с другим предметом, т. е. мотивация сравнением, в названиях.

различно. За единичным исключением, когда тот или иной вид одежды может иметь в определенном языке образное название, обозначения этой категории предметов не имеют ВФ, основанной на характеристике (последнее вообще область только названий лиц), на признаках, относящихся к размеру, цвету и др. Поэтому типы ВФ тут сравнительно ограничены. Нередко наблюдается совпадение типа ВФ в разных языках: русск. *дождевик*, польск. *deszczowiec*, чешск. *pršíplas't'* или *pršák*, нем. *Regenmantel*. Расхождение чаще всего выражается в том, что вместо прямого указания на предназначение предмета ВФ указывает на материал, из которого он изготовлен, что лишь косвенно объясняет назначение.

Наибольшее единство в принципе наименования обнаруживается у однофункциональных предметов, например орудий, средств действия, наименьшее — в кругу названий естественных реалий — растений, животных, птиц, насекомых, хотя совпадения и несовпадения возможны и здесь и там. Несколько примеров: *холодильник* — *chladírna*, *chladíč* (чешск.), *chłodziarka* (польск.), но *lodówka* (разг. польск.); *будильник* — *budík* (чешск.) — *budzik* (польск.); *игрушка* — *hračka* (чешск.) — *zabawka* (польск.); *духи* — *voňavki* (чешск.); *вешалка* — *věšák* (чешск.); *мешалка* — *mieszak* (польск.).

Названия породы собак: в русск. заимствованное слово *такса* — *jamnik* (польск.), *jezevík* (чешск. от *jezevec* ‘барсук’), *Dachshund* (нем., от *Dach* ‘барсук’); русск. *колюшка* (от колоть — ‘рыба’), польск. *ciernik* (от *ciergí* — ‘шип’).

II. Понятие ВФ, как уже отмечалось, не всегда тождественно понятию мотивации, но изучать ее следует у названий разных реалий с учетом разных типов мотивирующих. Можно говорить о разных типах ВФ в зависимости от части речи мотивирующего.

1. Мотивация прилагательным (понимаем под этим лишь качественные прилагательные, так как относительные прилагательные — синтаксические дериваты — дают ту же семантическую мотивацию, что и существительные) порождает один возможный тип ВФ у названий всех категорий предметов, хотя перечень мотивирующих лексем может быть ограничен по-разному. Например, ВФ слов, мотивированных качественным прилагательными со значением цвета, однотипна: *силик* (‘кровоподтек’ и ‘гриб’), *черника*, *желток* и др. Своеобразна на первый взгляд ВФ существительного *желтуха* (болезнь), так как болезнь цвета иметь не может. Но эта болезнь вызывает желтый цвет лица у больного и, следовательно, ВФ в сущности та же. Различие — в типах фразеологических приращений, в ЛЗ, но не в ВФ.

2. Мотивация существительным (без предлога или с предлогом) дает различные типы ВФ у разных предметных наименований, у производных, относящихся к разным частям речи. Так, ВФ названия животного не содержит указания на его использование, предназначение, в то время как в названии растения это возможно. С другой стороны, в названия любого предмета существительное не вносит свои причинно-следственные связи, но нередко вносит пространственные (*подорожник* и т. п.) и временные (*дородовой*, *послеоперационный*, *предзашитный*). Целевые связи бывают представлены в наименованиях предметов в скрытом виде: *ветровка* — ‘куртка для защиты от ветра’, польск. *wietrówka*.

Важная задача — описание разных типов ВФ при субстантивной мотивации в разных языках.

III. Поиски регулярности в соответствии/несоответствии ВФ у определенных типов названий в разных языках могут привести к разным направлениям исследований. Одно из них — выявление регулярных соответствий в случаях, когда одинаковая, близкая и даже разная внутренняя форма наименований¹ в славянских (отчасти и неславянских) языках

типа *паутинка*, *шпильки*, *платформы*, *лапша* и т. д. — тоже признак, но это, как правило, область вторичной номинации, основанной на переносе.

дают один и тот же семантический результат, что проявляется в синонимическом соответствии слов, называющих одну и ту же реалию. Выделим пока лишь некоторые возможные соответствия мотивирующих.

1. ВФ слов разных языков создается одними и теми же лексемами и соответствующими по значению формантами (по отношению к разным языкам так можно говорить, разумеется, лишь условно):ср. русск. *подножие* — польск. *podnóżie* — чешск. *podnóží* (в суфф.-преф. образованиях, как известно, ВФ создается семантикой мотивирующего существительного и приставки, различие в суффиксах несущественно). При разных способах образования лексическое совпадение (вернее, совпадение денотатов у соответствующих слов в разных языках) может происходить при несовпадающей полностью ВФ. Ср.: *подсолнух* и *słonecznik* (польск.), *slunečnice* (чешск.), *Sonnenblüme* (нем.).

2. Мотивации с и н о н и м а м и (прежде всего синонимами по денотату)⁶ типа *сердце* — *душа*, *рвать* — *раздирать*, *душить* — *давить*, *играть* — *забавляться* и т. д. Ср.: *душитель* — *dávíć* (чешск.), *игрушка* — *zabawka* (польск.), *зажигалка* — *zapalniczka* (польск.) — *zapalovač* (чешск.); *душераздирающий* — *srdcervoucí*, *srdceruvný* (чешск.) — *herzerreißend* (нем.); *альпинист* (ср. Альпы) — *taterník* (польск., ср. Tatry); *бабник* — *kobíciarz* (польск.); *юбочник* — *sukničkář* (чешск.).

3. Мотивации членами одной лексической парадигмы, например разными глаголами: *топливо* — *palivo* (чешск.), *щупальце* — *tykadlo*; *бензинец* — *uchodźca* (польск.), *utečenec* (чешск.); *наклон* — *spadzistość* (польск.), *stromizna* (польск.).

Надо заметить, что названия предметов, обладающих в сознании людей одним важным признаком, одной существенной функцией, как правило, в разных языках имеют один тип мотивации и одну ВФ.

4. Мотивации названием рода и вида: *мусорщик* — *popelář* (чешск. *popel* — зола, пепел).

5. Мотивации названием предмета и его части, в определенных условиях функционально равноценной целому: *головорез* — *hrdlořez* (чешск.), *подзатыльник* — *pohlavek* (чешск.), *твердолобый* — *twardoglový* (польск.). Это особенно часто имеет место в соотносительных образных наименованиях: польск. *pantofliarz* — русск. *подкаблучник* (о муже).

Очевидно, что синонимия производных слов в разных языках возникает на основе тех же самых соответствий мотивирующих и ВФ, что и в пределах одного языка.

Итак, представляется существенным как при изучении семантики производных слов одного языка, так и при сопоставлении языков выявить виды отношений, отражаемых производными от разных семантических групп существительных в пределах определенной категории реалий. Иначе говоря, важно установить, какие именно типы отношений к разным видам субстанций (вещество, животное и т. п.) могут порождать названия тех или иных классов денотатов.

При изучении разных видов номинаций конкретных предметов (преимущественно в диалектной лексике) нередко рассматриваются принципы номинации. Мы полагаем, что использование в подобных случаях понятия ВФ помогло бы более точно выявить семантику производных слов и их ономасиологическую структуру.

Полагаем также, что изучение ВФ не требует столь резкого разграничения синхронии и диахронии, как исследование собственно словообразовательных явлений. Нередко бывает интересно сопоставить и едва просвещивающую ВФ в словах, обозначающих одни и те же понятия (ср. *поезд* и чешск. *vlak*; *рукотка* — чешск. *držadlo*). Еще один пример: обозначение того, кто соблазняет, обольщает (девушку), во многих языках связано с представлением о движении «не в том», «не в правильном направлении»,

⁶ О разграничении синонимии по денотату и сигнификату см. [16, с. 30—33].

ср.: uwodziciel (польск.), svůdce (чешск.), Verführer (нем.); в то время как в русском оно связано с идеей внутреннего заблуждения (*соблазнитель, обольститель*), хотя есть и *сограничитель*.

Особая проблема — соотношение ВФ с понятием членности. Многие непроизводные, но членные слова имеют ясную ВФ: *буквоед, головомойка, ветрогон* и под. Очевидно, что эти слова нельзя считать производными, но они четко членятся.

* * *

При сопоставительном изучении словообразования славянских (и неславянских) языков особенно отчетливо выявляется связь словообразования с лексикой, обусловленность действия механизма словообразования словарным составом языка. Так, очень часто наличие заимствования не дает реализоваться механизму словообразования, и мы имеем для названий сходных реалий в одних языках слова с яркой ВФ, в других — заимствования: польск. *bokobrodы* — *бакенбарды*, *listonosz* — *почтальон*, *trawnik* — *газон*, *plecak* — *рюкзак*; *słuchawka* — *трубка*; *krzyżówka* — *кресцлер*; *chodnik* — *тротуар*, *równoległy* — *параллельный*; чешск. *letiště* — *аэродром*, *jizdenka* — *билет*, *letenka* — *билет на самолет*, *vstupenka* — *входной билет*, *přípitek* — *пост*, *vyděrač* — *шантажист* и т. п.

Итак, анализ ВФ слов при сопоставительном исследовании показывает черты сходства и различия в явлениях словообразования и номинации как в близкородственных, так и в неблизкородственных языках. Вероятно, можно говорить о наличии универсалий (или фреквенталий) в актах построения номинативных единиц при назывании слов однородных семантических групп, имеющих однородные словообразовательные значения и аналогичную мотивацию.

Вместе с тем слово как номинативная единица — явление глубоко индивидуальное. И именно различие в ВФ слов, называющих близкие или одинаковые денотаты, является очень важным и интересным, так как оно показывает национальное своеобразие различных языков в реализации аналогичных социальных заказов, что способствует глубине и точности системного и функционального сопоставления словообразования. Понятие ВФ имеет большое значение для лексикографии и теории семантики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества.— В кн.: Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
2. Rozwadowski J. Wortbildung und Wortbedeutung. Heidelberg, 1904.
3. Потебня А. А. Мысль и язык. Харьков, 1913.
4. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая.— В кн.: Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
5. Dokulil M. Tvoření slov v češtině. Т. 1. Teorie odvozování slov. Рг., 1962.
6. Иванов В. В. Внутренняя форма слова.— Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
7. Блинкова О. И. Явление мотивации слов. Томск, 1984.
8. Пешковский А. М. В чем же, наконец, сущность формальной грамматики?— В кн.: Пешковский А. М. Избранные труды. М., 1959.
9. Панов М. В. О слове как единице языка.— Уч. зап. Мос. гор. пед. ин-та им. Потемкина. Каф. русск. яз., 1956, т. 51, вып. 6.
10. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. М., 1984.
11. Nagórko-Kufel A. O dwóch typach leksemów rzeczownikowych we współczesnej polszczyźnie.— Poradnik językowy, 1975, № 10.
12. Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia. Warszawa, 1984.
13. Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967.
14. Усачева В. В. Названия пресноводных рыб в славянских языках. Автореферат канд. дис. М., 1977.
15. Коломиец В. Т. Происхождение общеславянских названий рыб. Киев, 1983.
16. Степанов Ю. С. Основы общего языкоznания. М., 1975.